

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

Россия, Москва.
Институт географии РАН.
Ведущий научный сотрудник.Russia, Moscow.
Department of physical geography and natural resources, Institute of Geography,
Russian Academy of Sciences, research associatekaganskyw@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК ЦЕЛОГО И НЕКОТОРЫЕ ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

В статье изложена техника исследования как комплексная концептуальная экспертиза. Основа подхода — теоретико-географическое видение и путешествия, концептуальная герменевтика ландшафта. Центр внимания — пространственные формы и смыслы ландшафта. Представлены основные результаты. Статья обобщает и развивает представления автора о культурном ландшафте как таковом и культурном ландшафте России.

Ключевые слова: герменевтика ландшафта, государство, империя, концепция, культурный ландшафт, ландшафт, пространство, путешествие, Россия, теоретическая география

A Holistic Investigation of the Russian Cultural Landscape

The method of investigation is discussed as a complex expert examination, based on a theoretical geographical approach together with travelling and landscape hermeneutics. The spatial forms and semantics of landscape are the main focus of the article. The article presents the major findings of long-term investigations and views of the author regarding a conception of cultural landscape, in general, and the cultural landscape of Russia, in particular.

Key words: landscape hermeneutics, state, empire, conception, cultural landscape, landscape, space, scientific travelling, Russia, theoretical geography

Представление о культурном ландшафте

Понятие «культурный ландшафт» фиксирует упорядоченность, взаимосвязанность и закономерность явлений на поверхности Земли в пространственном аспекте, прежде всего, — единство природных и культурных (в широком смысле) компонентов ландшафта. Мир земной поверхности — сплошной многослойный покров, иногда — красивый ковер, но не набор отдельных природных и культурных объектов на безразличном, случайном или враждебном фоне. Культурный ландшафт — целостное сложное образование, нередко противоречивое или конфликтное. В этом термине, понятии и явлении «культура» и «ландшафт» соединены не механически, и учение о культурном ландшафте не является простой суммой знаний о природном ландшафте и о культуре. Научное понятие «культурный ландшафт» само по себе нейтрально, не несет оценочного смысла; «культурный» здесь означает связанный с культурой как человеческой деятельностью, а не положительный (прекрасный, правильный). Культурный ландшафт соотносится с природным ландшафтом, а не противопоставляется «некультурному ландшафту»; культурный ландшафт — самостоятельное явление и самостоятельный научный предмет¹. Возможно,

объем и содержание этого понятия, фиксирующего целостное неразложимое явление, и не должны зависеть от трактовки понятия «культура», особенно ее широты (сейчас это не так, и разные представления о культурном ландшафте различены как раз трактовками культуры).

В нашей стране в последние десятилетия ландшафт испытывает изменения — значительные, быстрые, имеющие важные последствия (что бы под ним не понималось в каждом конкретном случае) растет и в науке, и в культуре и в обществе России. Ландшафт становится все более частым объектом географических, социогуманитарных, междисциплинарных исследований, включая прикладные. Тем не менее, культурный ландшафт нашей страны очень мало изучен, прежде всего вследствие его сложности, комплексности и новизны как предмета исследования. В отличие от картины природного ландшафта, все еще не сформирована научно достоверная картина закономерностей культурного ландшафта России; история России привлекает на порядки больше внимания, нежели ее культурный ландшафт. Практически нет работ, рассматривающих культурный ландшафт страны как целое. По-видимому, на это есть основательные культурные причи-

¹ См. обзорные работы: Культурный ландшафт как объект наследия. — М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. — 620 с.; Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследований. Москва — Смоленск: Изд-во СГУ, 1998, 104 с.; Культурный ландшафт: Теоретические и региональные исследования.

М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003; Калущков В. Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.; Стрелецкий В. Н. Культурный ландшафт // Гуманитарная география. — Вып. 6. — М.: Институт Наследия, 2010. С. 269–275.

ны — игнорировать обитаемое пространство собственной страны...

Большинство исследований в России трактует культурный ландшафт в рамках расширенного природного ландшафтоведения как дополнение природного ландшафта культурными элементами и его антропогенную трансформацию². В наших исследованиях культурный ландшафт представлен иначе: как **самостоятельный объект** на основе закономерностей пространственной самоорганизации человеческой деятельности. Такой подход позволяет выявлять как зависимости человеческой деятельности от природной основы, так и обратные связи, т. е. влияние культурных компонентов ландшафта на природные. *Реальный ландшафт может быть изучен только как сочетание научных предметов «природный ландшафт» и «культурный ландшафт».*

Разделяемый и развиваемый нами общегеографический подход на основе теоретической географии³ принимает и отчасти развивает классические представления о природном ландшафте. Культурный ландшафт понимается как потенциально сплошной, непрерывный, телесно выраженный, «морфологичный». В природный ландшафт входят все природные явления географической оболочки Земли; в культурный ландшафт — *потенциально все явления*. Подход ориентирован на поиск пространственных закономерностей культурного ландшафта на основе географического положения, связей, потоков и культурно-социально-экономических функций мест. Природные и культурные компоненты культурного ландшафта (в общем случае!) равноправны, взаимосвязаны и дополнительны. Особенности культурного ландшафта, часто выражающиеся в его рисунке, закономерны и теоретически объяснимы. Природные и культурные компоненты ландшафта рассматриваются общегеографически, описываясь структурно сходно (ареалы, сети, районы) и трактуются как дополнительные «слои» и места одних и тех же территорий. *Культурный ландшафт — единство пространственных тел, форм, функций и смыслов — культурных в широком смысле, хозяйственных, экологических, культурных в узком смысле etc⁴.*

Представление о культурном ландшафте нужно для того чтобы рассматривать, исследовать и представлять то или иное пространство, во-первых, *сплошь, без пустот*. Во-вторых, пространство, рассматриваемое как ландшафт, является *связным*; места взаимосвязаны, иногда нетривиальным способом; иногда места между собой связаны не напрямую, а через символические конструкции. В-третьих, всякий ландшафт — *комплекс природных и культурных компонентов*. И если исследовать сложное большое пространство (а пространство России большое и, без сомнения, сложное), — то его сплошность, сложность, связность, комплексность схватываются именно в представлении о культурном ландшафте.

Наконец, как природа (что бы под нею ни понимать), так и культура (что бы под нею ни понимать) даны как феномены

исключительно в рамках ландшафта (исключения — наблюдаемые небесные тела, землетрясения, исключений немного).

С понятием культурный ландшафт связано очень странное — на первый взгляд — обстоятельство. Казалось бы, все люди живут в культурном ландшафте, культурный ландшафт существует на поверхности Земли, и вся человеческая деятельность (кроме космонавтов и астронавтов) сосредоточена именно здесь; но значит ли это, что учение о культурном ландшафте — это главная, всеобъемлющая, рамочная гуманитарная или социальная дисциплина, поскольку объекты социологии, экономики, этнологии и т. д. «находятся» в культурном ландшафте? Нет, не значит. *Все эти явления — общество, социум, этничность etc — пребывают в ландшафте, но прямо не входят в понятие ландшафта.* Отношения объектов не задают отношений научных предметов. Категория культурного ландшафта описывает поверхность Земли, освоенную человеком, только в определённых отношениях, аспектах и масштабах. В понятии культурного ландшафта доминирует пространственный аспект, а не социально-статусный или институциональный. Все явления и события ландшафта рассматриваются и видятся прежде всего с точки зрения пространства, пространственного (географического) положения, взаимного размещения и пространственного взаимодействия, расстояний и близости, соседства и смежности, связности etc; только в определенных масштабах. Наконец, представление о ландшафте задано в определенной оптике, в специфических исследовательских техниках. Аналогична и ситуация культуры и культурологии: ландшафт и культура — среды человеческого бытия, рамочные объекты-образования, но совсем новые и молодые предметы исследования. «Удваиваются» эти принципиальные трудности в культурной географии; в какой мере и в каком аспекте исследование культурного ландшафта является частью культурной географии — вопрос важный, но здесь не обсуждается.

Культурный ландшафт — довольно размытое общегеографическое понятие, постепенно становящееся междисциплинарно-общенаучным. Культурный ландшафт не сводим к территории, антропогенному ландшафту, антропогенной трансформации природного ландшафта, смеси природных и культурных тел, наложению артефактов культуры на основу природного ландшафта, образно-символическому аспекту территории, метафоризации ландшафта etc; это — абсолютизации отдельных аспектов ландшафта.

По-видимому, для Л. С. Берга, В. П. Семенова-Тян-Шанского, Б. Б. Родомана понятие культурного ландшафта выражает познавательную волю усматривать сплошность, единство и закономерность обитаемого пространства земной поверхности; оно служит объяснению пространственных форм и смыслов человеческой деятельности в географической оболочке Земли. Культурный ландшафт в широком смысле — обитаемое пространство земной поверхности — в потенции охватывает всю поверхность Земли сплошным покровом. Культурный ландшафт как явление совмещает, даже иногда синтезирует природные и культурные компоненты «нераздельно и неслиянно», но отнюдь не состоит из них; природный же ландшафт — лишь особая интерпретация культурного ландшафта. Ниже вместо «культурный ландшафт» мы будем говорить «ландшафт».

² Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. — 2009. — № 1. С. 62–70.

³ См. подробнее Каганский В. Л. Природно-государственный ландшафт Северной Евразии: теоретическая география // Социально-экономическая география: традиции и современность. М., Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 78–100.

⁴ Подробнее Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

Культурный ландшафт в узком смысле — пространство земной поверхности, освоенное утилитарно, но еще и ценностно и символически, устойчивая среда (умвельт) нормальной телесной, душевной и духовной (значит, общественной и государственной) жизни людей достаточно долгое время. Следовательно, есть *антропогенные ландшафты*, не являющиеся культурными ландшафтами (Большая часть территории бывшего СССР как *советское пространство* лишена ландшафта); разные группы людей одной территории живут в разных ландшафтах, притом что далеко не всему населению современной РФ и мира дан и необходим собственно ландшафт; ландшафт не характерен для массового общества в целом (где он замещен пространством), но обретает новый шанс в эпоху пост-модерна.

Пространство ландшафта чрезвычайно сложно хотя бы из-за переплетения природно-телесных, телесно-антропогенных, собственно культурных, включая семиотико-герменевтические компоненты и их сосуществования на разных пространственно-временных уровнях, а также поликультурности большинства территорий.

Особенности исследования культурного ландшафта России в целом

В основе *постижения ландшафта* должны лежать теоретически-обогащенные традиционные географические подходы, идеи и ценности:

- уяснение отношения природного и культурного компонентов в установке усмотрения единства, взаимосвязи, взаимодополнения,
- выявление и эксплицирование всех компонентов ландшафта и их отношений — от телесных до функциональных и символических,
- установление и акцентирование разнообразия мест вплоть до установления их уникальности;
- выявление закономерностей ландшафта;
- выявление сходств и различий мест, особенно нетривиальных,
- выявление полей сравнимости мест и отношений репрезентации;
- выявление связей мест, особенно нетривиальных;
- рассмотрение дистанционных эффектов;
- рассмотрение позиционных эффектов (позиционный принцип Б. Б. Родомана);
- рассмотрение масштабных эффектов и специфики масштабов;
- выявление полимасштабности и масштабных инвариантов (четыре последних эвристики задают и объясняют особенности ландшафта);
- выявление общего стиля места;
- выявление общего рисунка ландшафта;
- включенное наблюдение;
- первичная полевая визуализация и вторичная камеральная картографическая визуализация;
- разноплановая концептуализация.

Ландшафт конкретного места любого размера должен быть представлен как:

- природно-культурный комплекс,

- сложный богатый сгусток полей сравнимости, сходств и различий,
- узел и звено в ткани пространственных взаимодействий,
- включая и интерпретационно-герменевтические,
- система мест (районирование) и особое место,
- специфическая полимасштабная система и позиция,
- специфично-закономерный рисунок ландшафта,
- комплекс характерных направлений,
- комплекс или система пространственных форм, сопряженных со смыслами человеческой деятельности,
- источник, носитель и результат образов, мифов и символов.

Этот же набор требований относится к теоретической или проектной идеализации ландшафта. *Высшее выражение изученности культурного ландшафта сложного и/или большого места — его концепция.*

Но эта концепция должна описывать целое страны не только как закономерную систему частей, но и как *закономерную систему позиций, связанных с этими частями*. Так, картина России не будет полной без Москвы, Петербурга, Киева⁵, Новгорода, Твери — но и без Тюмени, Суздаля, Норильска, Плёса, Тобольска, а с другой стороны — без Восточно-Европейской равнины, Урала, природных стран Сибири и Дальнего Востока — не только как частей, но и как позиций. По-видимому, не только в массовом и литературном образе Россия — лесная страна, но и в профессионально-экологическом, что выражается в том, что даже в степной и лесостепной зонах (это тоже уже степь — антропогенно-аграризованная) большинство заповедников и иных особо охраняемых природных территорий — в основном ландшафты лесные или имеют лес как свое ядро. Это только один из многих примеров неполноты и «скошенности» и научного представления и образа ландшафта России (выпала и зона внутренней периферии, о чем ниже).

В общем смысле ландшафт постигается на основе комплекса типолого-морфологических подходов (особенно включая сравнительный); несомненен приоритет морфологии над генетизмом и историзмом в постижении ландшафта при уместном использовании последних; в общем непродуктивен редукционизм, равно сведение культурного ландшафта к трансформированному природному ландшафту и/или системе его образов, хотя изучение этих аспектов и необходимо. Научно-географическое постижение культурного ландшафта — только складывающийся комплекс многих разных техник. Их центр — теоретическое исследование — задает общее представление о ландшафте и дает основания к рефлексии иных представлений. Поэтому теоретическая география — уже развернутая морфология культурного ландшафта⁶; разумеется, отнюдь не единственно возможная. Направление современной культурной, социальной и методологической теории ландшафта, особенно России в целом, таково, что *необходимо одновременно развить пучок взаимосвязанных концепций ландшафта России*⁷. В нашей географии это направление только лишь наме-

⁵ Это не геополитическое суждение, а историко-географическое.

⁶ Развивающая критика теоретической географии Б. Б. Родомана // К 80-летию Б. Б. Родомана. М.: Институт наследия, 2011 (в печати).

⁷ Каганский В. Л. Методологические заметки о современном российском географическом // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах.

чается. Весьма значительны различия в подходах, установках, исследовательских техниках, типах результатов у многих исследователей⁸. Подобно тому, как исследование сложной территории требует совмещения нескольких разных по предмету и подходу схем районирования, постижение культурного ландшафта не исключает, а предполагает несколько подходов, но их различия должны быть сформулированы явно. *Существующее разнообразие подходов к ландшафту вообще и ландшафту России амбивалентно, однако может трактоваться* не только как недостаток или выражение незрелости, но и как *признак развития направления*. Иное дело, что эти концепции пока трудно соотнести, поскольку они реализуются на разном материале и нередко в разных масштабах. Соотношение концепций ландшафта прояснится, как только будут предложены разные типологии районирования ландшафта одной и той же целостной значительной территории.

Исследования культурного ландшафта должны наследовать интеллектуальный опыт и частью материал отечественной географии:

- природное ландшафтоведение,
- почвоведение и биогеографию,
- природопользование и использование земель,
- природно-хозяйственное районирование,
- географию сельского хозяйства,
- географию сельской местности,
- экономическое микрорайонирование,
- географию расселения.

Такое наследование продуктивно только на основе их рефлексии и при самостоятельности концепции ландшафта. Очевидно и взаимодействие с социогуманитарными дисциплинами. Многое зависит от судьбы социальной и культурной географии как пограничных дисциплин, если только география и «соседи» будут взаимодействовать через фундаментальнотеоретические центры, а не экстенсивные периферии. Чрезвычайно трудным, но продуктивным может стать *обогащение учения о ландшафте идеями и подходами междисциплинарных российских научных направлений*. Учение о ландшафте должно быть вписано и в междисциплинарную среду и в национальную культуру. Очевидна и проблема интеграции в мировой контекст без утраты преимуществ своеобразия.

Советское время было для проблематики культурного ландшафта катастрофой, особенно сознательное упрощение физико-географами-ландшафтоведами своего объекта исследования путем исключения из него человеческой деятельности, хотя Л. С. Берг, напротив, включал особенности человеческой деятельности в ландшафт в своем известном описании природных зон СССР⁹. *Культурного ландшафта как полноценной дисциплины и научного предмета географии в России до сих пор нет* (частные исследования несомненно есть), поскольку нет его развернутой морфологии — и нет районирования и картографирования больших территорий; частные исследования оторваны от концептуальных построений. Вообще культурный

ландшафт поразительно мало изучен, особенно в сравнении с природным ландшафтом.

Страна как реальное сложное целое есть (в частности) *комплекс позиций* — и как реальный объект и как предмет исследования. Страна не может быть понята и исследована иначе, чем как совокупность позиций, точек зрения, отчасти сопряженных с различными частями страны, особенно территориальными. Одна из главных причин игнорирования либо даже отторжения общественностью (в том числе научной) российской провинции многих исследований современной России, проводимых в Москве, по-видимому, состоит в универсализации в этих исследованиях одной-единственной, неосознанно московско-центральной точки зрения (ср. расхожий штамп «центр и регионы», уже предполагающий позицию «над регионами»). Однако одна-единственная точка зрения на пространственный (буквально) объект означает игнорирование его расчлененности на части и само наличие частей, то есть, в конечном счете, содержит неявно фундаментальную предпосылку о лишенности объекта значимой дифференциации, протяженности, качественного размера, наличия самих существенных частей (в логическом смысле — то есть таких, без которых данный объект не является самим собою). Такое представление делает конкретные районы (места иных типов) не существующими с точки зрения содержания, вносимого ими в понятие России; понятие России оказывается лишенным тех аспектов содержания, которые связаны с самим наличием в ней разных существенных частей. Огрубим проведенное рассуждение: *объект, для понимания какового необходимо и достаточно одной-единственной позиции — не имеет частей*, «состоит» из одной-единственной части, лишен значимой пространственной дифференциации (этому не противоречит и представление о своего рода «броуновском движении» регионов разных рангов, которое может быть тогда обоснованно описано только макроскопическими параметрами, то есть разного рода средними). В таком случае рассмотрение России (вообще любой страны или территориальной отдельности) с одной точки зрения означает несуществование ее частей, отсутствие вариантов целого. *Монопозиционность — декларация символического несуществования частей*. Хотя местное сознание вряд ли глубоко рефлектирует ситуацию, но и вне рефлексии для него ущербность такой ситуации очевидна, поскольку она выражается в отсутствии признания необходимости и тем более способов учета реальной специфики, интересов и позиций конкретных мест. Монопозиционность как «москвоцентризм» означает, в сущности, игнорирование мест; практической задачей в ходе путешествий было снятие (преодоление) такой установки в диалогах с целью облегчения коммуникации.

Всякое исследование важного для страны феномена — тем более самой страны и/или ее ландшафта — нуждается в обращении к нескольким частям страны как позициям. Именно так преодолеваются принципиальные трудности концептуального рассмотрения единичного объекта. Ведь таковой, строго говоря, не может теоретически рассматриваться (но ср. физическая космология с единичным объектом), однако если он состоит из подобных целому частей (автомодельная симметрия) и/или дан как множество реализаций и/или во множестве соотношений с иными объектами, то может и даже должен — ведь тог-

Вып. 33, 2004. С. 61–64.

⁸ Каганский, 2009, цит. соч.

⁹ Берг Л. С. Ландшафтно-географические зоны СССР. Ч. 1. — М.; Л.: Сельхозгиз, 1931.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

да структура единичного объекта (архетип) складывается из того общего, что объединяет объекты в тех отношениях, где он соотносится с иными объектами.

Особенности нашего подхода и техники исследований

Исследование ландшафта России в целом, быстро и неоднозначно меняющегося, при отсутствии обширных методически сопоставимых данных велось и ведется автором на протяжении многих лет как *комплексная концептуальная экспертиза*. Основа подхода — теоретическая география как подход и путешествия, концептуальная герменевтика ландшафта. Центр внимания — *пространственные формы и смыслы ландшафта*. Исследование, или вернее постижение — сочетание и взаимное дополнение теоретических штудий, экспертных приемов и путешествий с применением междисциплинарных представлений. Исследование стандартными методами — даже если бы они и были — явно не позволяет в таких ситуациях успевать за текущими процессами. Дело и в отсутствии источников достоверной полной информации и нередко систематической тенденциозности таких источников, включая государственную статистику или просто ошибочности. Нелишне отметить, что при всех понятных недостатках и ограниченности индивидуального подхода (ограниченность объема исследований, возможная субъективность и пристрастность, роль индивидуальной случайности, зависимость от самочувствия и т. п.), такой подход при наличии соответствующего профессионала проще реализовать, чем работу большого коллектива¹⁰, да и ресурсов требуется как минимум на порядок меньше. В этой ситуации единство видения предмета более достижимо, что, конечно, требует особых усилий и навыков.

Концептуальные разработки дают базовые представления о пространственных формах ландшафта и их возможных трансформациях, обеспечивая тем самым основу для поиска и интерпретации полевых наблюдений. Путешествия обогащали теоретические конструкции, продуцировали эвристики и сами стали источником знаний о новых феноменах, тем самым стимулируя теоретический поиск; использовалась и иная информация, хотя систематических сводок по культурному ландшафту (в понимании автора) России нет.

Пространство на территории современной России четко и сложно структурировано как целое, — этот вывод получен нами при разработке концепции советского пространства¹¹ и соответствует мнению ряда других авторов. Как выяснилось, современное пространство РФ, — в основном модификация структур советского пространства, перегруппировка и трансформация структурных блоков СССР. Это делает правомерным и особенно важным теоретическое исследование, более того, именно в этом случае оно становится неизбежным. Не так уж редко эмпирический подход оказывается невозможен, затруд-

¹⁰ Для районирования и картографирования ландшафта России и больших его описаний рано или поздно потребуются большие коллективы.

¹¹ Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001, 576 с.; Каганский В. Л. Регионализация, регионализм, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: ИГ РАН, 2002. С. 12–18.

нен или дает необозримые результаты. Именно тогда, когда ситуация сложна, динамична, неопределенна, а эмпирия зыбка и сомнительна — общая картина может и должна быть концептуальной. Россия, в том числе ее ландшафт, не может быть полно постигнута эмпирически, хотя бы потому, что совершенно неясно, что же здесь эмпирия. Индивидуальные конкретные места, в том числе и Россия в целом, видятся тогда теоретически; противоречия здесь нет¹². Теоретическая география изучает не заполнение пространственных форм материалом, а сами формы ландшафта. *Такой подход видит в конкретных местах реализацию общих принципов, форм, правил, симметрий, ритмов; места — узелки ткани закономерностей*. Пространство большой страны постигается и, соответственно, может быть представлено прежде всего концептуально¹³.

В ходе исследований ландшафта современной России автор выстроил (вернее — вырастил) семейство концептуальных построений¹⁴:

- концепция советского пространства,
- концептуальная модель распада СССР как кризиса советского пространства (теория регионализации),
- типология культурных ландшафтов «центр — провинция — периферия — граница»,
- концепции второго порядка — инверсий советского пространства и пострегионализации,
- модель бума «вторых городов»,
- реинтерпретация и расширение концептуальной схемы и программы теоретической географии,
 - ее трактовка как концептуальной герменевтики ландшафта,
- теоретико-географическое представление об империи,
- типология ландшафтных границ,
- представление специфики российского ландшафта.

Были востребованы, развиты и применены разрабатывавшиеся ранее безотносительно ландшафта и России теоретические сюжеты границ и логики районирования.

Полиаспектная сложность ландшафта и особенно его встроенность в человеческую деятельность (равно и — вписанность такой деятельности в ландшафт) предполагает *экспертизу, включенное наблюдение*, а само пространственное разнообразие ландшафта делает ее маршрутно-динамической сменой позиций — *путешествием*. Ландшафт — пространство для путешествий (в терминологически точном смысле); его постижение невозможно без путешествий. Полноценный ландшафт и путешествие взаимно предполагают друг друга: их понятия и концепции сопряжены и должны разрабатываться совместно, что уже начато в теоретической географии, которой имманент-

¹² См. аналогичную проблему для истории — Казус: индивидуальное и уникальное в истории. 1999. (вып. 2). М.: Российск. Гос. Гуманит. Ун-т. 1999. 370 с.

¹³ Каганский, 2004, цит. соч.

¹⁴ Кроме уже цитированных работ — Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет пространств. // Общественные науки и современность, 2005, № 2, 2005, № 3. С. 70–82, 2005, № 4, С. 100–112, Каганский В. Л. Теоретическая география // Гуманитарная география. Вып. 5. М.: Институт наследия, 2008. С. 284–288; Каганский В. Л. Национальная модель культурного ландшафта // Гуманитарная география. — Вып. 6. — М.: Институт Наследия, 2010. С. 293–296.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

ны особые путешествия — познавательные **путешествия георетика**, которые порождают эвристики конкретных мест, без чего их глубинное постижение затруднено¹⁵. Для путешествия теоретика как такового характерна акцентуализация следующих аспектов ландшафта:

- места как идеи — идеи мест,
 - идеи, генерирующие (порождающие / породившие) конкретные места,
- места как формы ландшафта,
 - конкретные места как теоретически-чистые формы,
- места как сгустки закономерностей,
- воплощенные в материале ландшафта теоретические схемы,
- симметрии, асимметрии и диссиметрии форм,
- конкретные формы ландшафта как реализация и деформация идеально-теоретических форм,
- идеально-теоретический план ландшафта.

В последнее время в науке и культуре явно растет интерес и к ландшафту, и к путешествию, но они весьма редко трактуются корректно.

Наши полевые исследования — *профессионализированное путешествие*: активное включенное динамическое полипозиционное наблюдение; эта техника как исходное условие предполагает смысл, ценность, постижимость и выразимость сходств и различий мест. Путешествие в ландшафте — активное включенное постижение разнообразия ландшафта путем согласованного движения в трех сопряженных пространствах: собственно земном ландшафтном, личностном и пространстве знания, имеющих общие фокальные точки, узловые места; ни одно из пространств не является физико-геометрическим. Движение в ландшафте без взаимодействия с ним или с утилитарной целью, хаотические, случайные, стандартные, дискретные, экстерриториальные перемещения — не путешествия. Путешествие — активное взаимодействие с местами, а не их пассивное отражение: перемещение исключительно ради постижения или даже порождения потока образов — само по себе еще не путешествие¹⁶.

Путешествие и есть осуществление сравнительного подхода почти буквально, как «нанизывание» на маршрут соотносимых частей объекта, прохождение серии взаимосвязанных позиций. Наличие в самой изучаемой реальности многих разных неслучайно соположенных и сопряженных мест — онтологическая основа путешествия. Путешествие непосредственно реализует полипозиционность и сравнительный подход, тогда как экспедиционные исследования в естественных и социогуманитарных науках или разного рода опросы общественного мнения лишь в лучшем (редком) случае собирают для них материал.

Предмет и сфера наших путешествий — всегда ландшафт (возможны путешествия и не в ландшафтных пространствах), где акцентируются те или иные формы и слои содержания;

одновременно это и путешествия в пространстве разнообразия социокультурных групп. Такие путешествия (они осуществлялись автором в основном в одиночку, но всегда имело место единство субъекта путешествия) включают маршрутные наблюдения разных типов, включение в местные информационные потоки и комплексную коммуникацию (в том числе беседы типа фокусированных интервью и иные) и активное взаимодействие на основе лекций, докладов, бесед.

В основных местах комплекс работ включает: визуальные наблюдения и экспресс-обследования городов, сбор, изучение и экспресс-анализ местных масс-медиа (бумажные, радио и телевидение), литературы краеведческой и региональной, включая местную художественную, изучение транспортно-коммуникационных ситуаций, работу в краеведческих и иных музеях (это — яркие фокусы автопрезентации регионального сознания, особенно учитывая происходящий в стране музейный бум), циклы бесед с представителями научной, музейной, вузовской и иной культурной среды как носителями регионального сознания и/или экспертами по региональным ситуациям и т. п. Весьма значимы и информативны были и обильные контакты с т. н. «обычными людьми», неполнота и фрагментарность представлений которых о ландшафте (при неданности обыденному сознанию ландшафта как такового) сполна компенсировались их многочисленностью и неискушенностью, отсутствием тех штампов и концептуальных клише, которыми переполнено (и даже замусорено) сознание образованной публики. Включение в конкретное место имеет составной частью дискуссии на базе проведения экспресс-экспертизы региональной ситуации и предъявления ее результатов, что принципиально отличает наши беседы от коммуникации типа фокусированного интервью, делая их более заостренными и содержательными, но в ряде случаев приводя к конфликту или блокировке коммуникации; однако темы, вызывающие конфликт или такую блокировку коммуникации сами по себе весьма информативны. *Существенна коммуникация с носителями разных позиций и/или интересов касательно конкретного места*; так, представление о заповеднике как фокусе культурного ландшафта удалось сформировать именно вследствие общения с руководителями и научными сотрудниками, техническим персоналом, жителями центральной усадьбы поселения — как со сторонниками заповедника, так и с его противниками, сезонными отдыхающими на территории заповедника или вокруг него, проходящими самостоятельными походными туристами, особыми гостями заповедника; не менее важны и позиции внешних участников ситуации, напр. ученых-экологов.

В ходе осмотра городов (особенно больших) и работы с материалами, существенно было иногда проводить экспресс-диагностику основных типов названий городских объектов. Весьма важно и включенное в осмотр населенных пунктов, но имеющее самостоятельное значение пребывание в местных фокальных объектах (в том числе — и ближне-загородных) общения в них и по их поводу с жителями из разных групп населения и специалистами. Таковы *Откос и Кремль* в Нижнем Новгороде, *памятник Ермаку* в Тобольске, *монумент «Европа-Азия»* в Оренбурге, *часовня на Стрелецкой горке* (изображена на российской купюре достоинством 10 руб.) и *Красноярские столбы* в Красноярске, *площадь Республики* в Астане. Несомненно это и путешествия в пространстве разнообразия социокультурных групп. Такие путешествия (они осуществлялись автором в основном в одиночку, но всегда имело место единство субъекта путешествия) включают маршрутные наблюдения разных типов, включение в местные информационные потоки и комплексную коммуникацию (в том числе беседы типа фокусированных интервью и иные) и активное взаимодействие на основе лекций, докладов, бесед.

¹⁵ Подробнее — Каганский В. Л. Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 2001, вып. 2. С. 3–18; Каганский В. Л. Путешествия и границы // Культурное пространство путешествий. 8–10 апреля 2003 г. Тезисы форума. — СПб., Центр изучения культуры: 2003.

¹⁶ См. пред. ссылку.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

мненными — новыми и яркими — фокусами культурного ландшафта все более становятся природные заповедники и вообще «особые», культурно маркированные природные объекты. Мы вообще стремились обращаться ко всем фокусам самовыражения (автопрезентации) местного сознания, но их следовало вначале опознать.

События путешествия, наблюдения, идеи, эвристики, содержание бесед, резюме местной литературы и т. п. фиксируются в полевом дневнике в текущем режиме. Кроме «внешних впечатлений» от культурного ландшафта, обязательно фиксируются события самого путешествия и личное состояние путешественника, влияющее на продуктивность и результативность работы, ведь путешественник — не сканирующий прибор, а живой человек. Повествовательно-линейный основной текст дневника сопровождается довольно многочисленными и разнообразными комментариями, перечнями, подсчетами, схемами, расшифровками и росписями отдельных бесед и событий и проч. При расшифровке дневников в Москве в них не вносятся никаких изменений и дополнений, однако производится довольно заметная линейная материализация материала. Полевой дневник путешественника — семиотически сложный документ, однако он совершенно не изучен в документалистике, лингвистике, семиотике, герменевтике (если не считать литературного жанра «путешествие»), особенно учитывая различные графические компоненты дневника, делающие его комплексным многоязыковым средством. Сколько известно, учение о путешествии, включая подобные техники, нигде не изучается и не преподаются.

Принципиально, что ряд существенных моментов постижения, интерпретации и реконструкции ландшафта порождается в ходе самого путешествия и более не пересматривается, хотя и дополняется. Для включения подробно обследованных мест (ключей) в географический контекст более значительных территорий велись *маршрутные наблюдения в разных масштабах с разных, всех доступных видов транспорта.* В рассматриваемом цикле путешествий это были:

- воздушный транспорт:
 - самолет,
 - вертолет;
 - подъемники и фуникулеры;
- междугородный и пригородный общественный и частный автомобильный,
 - включая и грузовой,
 - в том числе в режиме автостопа;
- железнодорожный транспорт разных типов,
 - включая грузовой и дрезины;
- все виды городского транспорта;
- водный:
 - магистральный;
 - местный скоростной;
 - паромный;
 - весельная лодка.

В каждом месте в зависимости от его специфики, продолжительности пребывания, наличия контактов, конкретной задачи путешествия и т. д. акцентируются те или иные моменты.

Познание ландшафта современной России невозможно без пеших маршрутов разной протяженности и типа, со своим со-

отношением передвижения и общения. Пешие этапы путешествия — не дань традиции и не внесение компонента туризма в путешествие, это способ приобщения к основной, подавляющей части территории страны — непридорожной и внедорожной; большинство мест иначе просто недостижимы. Кроме того, существенно различие скоростей перемещения, в каждой ситуации целесообразна своя оптимальная скорость перемещения. Полезными были и (немногочисленные) конные маршруты.

Каркас для интерпретации ландшафта — семейство концептуальных схем, в том числе разработанных или развитых автором. Однако путешествие как способ постижения, в отличие от исследования экспедиционного, предполагает набор интерпретаций открытым, и даже подразумевает неизбежность порождения новых способов, приемов и концептуальных схем интерпретации, как и проблематизацию наличных. Однако, надеюсь, подмены наблюдений априорными схемами не произошло — еще и потому, что во каждом конкретном месте актуализировалось несколько разных, порой даже противоречащих друг другу схем.

Так, при небольшом путешествии в долину среднего течения реки Хопер летом 2006 г.¹⁷ мы использовали следующие представления, частью концептуальные, частью концептуально нагруженные, частью гипотетические; они и явились основой концептуальной схемы путешествия:

- внутренние территории России,
- небольшие малосущественные малоизвестные территории,
- «заслоненные» территории,
- экономическая ситуация территории без значимых ресурсов,
- приграничье регионов (смежные края регионов),
- дальняя окраина больших регионов с крупными центрами,
 - имеющая прямую транспортную связь с Москвой,
 - ухудшившая (прекращение судоходства и местной авиации) и улучшившаяся (частный автотранспорт) свое транспортно-географическое положение,
- экономические микрорайоны на стыке регионов,
 - их взаимодействие и потенциальное разделение функций,
- симметрия относительно межрегиональной границы,
- гипотетический единый межобластной микрорайон,
- ландшафтное наследие недолгого институционального целого (Балашовская область РСФСР, 1954–1956 гг.);
- Средний Хопер как мемориальный и потенциальный район;
- вторые города (Балашов и Борисоглебск),
 - в том числе в соотношении с «первыми» (центрами регионов Саратов и Воронеж),
- парные сходные города по разные стороны границы регионов,
- долина значительной реки (Хопер) как комплексная ось и интегратор культурного ландшафта,
- симметрия и асимметрия речной долины в лесостепи,
- потенциальная Внутренняя Периферия,

¹⁷ Каганский В. Л. Средний Хопер // Отечественные записки. 2006, № 6. С. 195–206.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

- потенциальная Периферийная Провинция,
- специфика ландшафта и его рисунка южной степно-лесостепной России,
- азональные объекты (крупные речные долины и лесные массивы) в зональном ландшафте на природной основе,
- уникальный природный объект (Теллерманов Бор) и его роль в ландшафте,
- возможность создания межрегионального национального парка.

Подобные схемы представляют морфологию ландшафта больших территорий. В нашей технике верификации или фальсификации гипотез (удел экспедиционных работ) они не имели ведущего значения, поскольку осуществлялось иное исследование — *теоретическое полевое исследование*¹⁸. Пример — обследование Сарова (Арзамас-16) одновременно как конкретного места и фокальной точки советского пространства и концепции советского пространства. Такое путешествие — еще и генерирование эвристик!

Независимо от различий плотности наблюдений по маршруту избранные приемы путешествия такого типа позволяют интерпретировать и реконструировать сплошную и довольно широкую полосу территории.

В путешествиях использовались общегеографические карты разных масштабов и космические снимки, схемы городов и отдельных объектов, тематические карты, ландшафтные карты — почти всегда¹⁹. Карты культурного ландшафта, в силу их редкости, использовались мало.

За 1992–2011 гг. нами проведено около 50 полевых многодневных маршрутов (с конца апреля до середины октября²⁰) и немалое число однодневных круглогодичных маршрутов по Подмосковию. Протяженность пеших маршрутов составила не менее 4000 км. *Сеть маршрутов была в целом ориентирована на охват комплекса репрезентативных территорий России, а не только на важнейшие либо уникальные объекты. Маршруты пронизали ландшафт страны от столиц до заповедников и «медвежьих углов», охватили большинство из 16 выделенных нами типов ландшафта*²¹:

- столичные регионы,
- вторые и «третьи» столицы страны,
- межрегиональные центры,
- центры регионов разных типов,
- вторые города регионов,
- центры экономических микрорайонов,
- пригороды разных типов,
- рядовые городские и сельские поселения разных типов,
- малые поселения вплоть до лесничеств и кордонов;
- провинция и периферия разных типов и местоположений,

- заповедники и национальные парки;
- внутренние и приграничные территории,
- разные зоны узловых районов агломераций.

Путешествия затронули все экономические районы РФ, в основном — Центр и Запад России, Урал и юг Сибири, физико-географически — от лесотундры до степной зоны. Маршруты охватили или затронули в той или иной мере большинство природных стран на территории России, в основном это были Восточно-Европейская равнина, Урал, Средняя Сибирь, а также Фенноскандия, Западная Сибирь, Алтае-Саяны, Прибайкалье и Забайкалье, Амуро-Сахалин, Северо-Притихоокеанская страна²². Продуктивны были длинные транспортные «разрезы» больших территорий²³. В целях сравнения и с иными целями посещались некоторые территории Украины и Казахстана. Типологически значительное внимание привлекали разные варианты погранично-переходных ландшафтов, включая пригороды крупнейших городов и новое приграничье,

*На основе впечатлений, материалов и анализа итогов путешествий написан ряд конкретных работ, посвященных следующим местам*²⁴:

- Россия в целом,
- Москва,
- Подмосковье,
- Кимры,
- Арзамас-16 (Саров),
- Петербург,
- Внутренний Урал,
- Горнозаводской Урал,
- Нижний Тагил,
- Норильск,
- Пермская область,
- Чувашия,
- Средний Хопер,
- Башкирия,
- Новокузнецк,
- Оренбург,
- Калининградская область,
- Псковская область.

²² Перечень природных стран дан по: Атлас географический справочный. СССР. Мир. М.: ГУГК, 1986.

²³ Южно-Сахалинск — Тымовск — Ноглики — Горячие — Ключи, Ключи — Петропавловск-Камчатский — Мутновский, Иркутск — Листвянка — Слюдянка — Танхой — Улан-Удэ — Максимиha, Иркутск — Хужир — мыс Хобой, Абакан — Междуреченск — Новокузнецк — Кемерово — Томск, Челябинск — Бреды — Аркам — Магнитогорск — Белорецк — Инзер — Уфа — Бирск — Янаул — Ижевск, Балашов — Борисоглебск — Новохоперск — Воронеж, Красноуфимск — Месягутово — Янгантау — Кропачево — Миасс — Учалье — Белорецк — Старосубхангулово — Магнитогорск, Москва — Тверь — Бежецк — Устюжна — Череповец — Пошехонье — Рыбинск — Мышкин — Углич, Киров — Уржум — Вятские Поляны — Казань — Йошкар-Ола — Козьмодемьянск — Нижний Новгород, Рустай — Нижний Новгород — Москва, Оренбург — Бузулук — Самара — Пугачев — Балаково — Энгельс — Саратов, Себеж — Остров — Пыталово — Псков — Печоры — Гдов. Важные наблюдения с воды: Ярославль — Кинешма — Плес — Юрьево, Городец — Нижний Новгород — Васильсурск — Чебоксары — Ульяновск, Великий Устюг — Котлас — Архангельск, Дивногорск — Красноярск — Дудинка.

²⁴ Цитирование заняло бы слишком места, сошлюсь только на Русский журнал.

¹⁸ С. В. Чебанов, рецензент нашей книги (Каганский, 2001), пришел к выводу, что в таком исследовании идет, прежде всего, порождение эвристик, а не сверка гипотез (Чебанов С. В. Пространственная вмещаемость как форма рефлексии http://old.russ.ru/ist_sovt/20020228_cheb.html).

¹⁹ Обычно Исаченко А. Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985, 320 с.

²⁰ География и/или исследование ландшафта — занятие летнее и дневное. Интересно было бы построить картину ландшафта, опираясь на зимние ночные путешествия и материалы.

²¹ Каганский, 2001 цит. соч.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

Специально рассмотрены следующие *типы культурного ландшафта*²⁵:

- вторые города,
 - заповедники,
 - провинция,
 - «русская саванна» (совместно с Б. Б. Родоманом),
 - «трофейные регионы»,
 - внутренняя периферия,
- и процессы:*
- дачный бум,
 - новая поляризация ландшафта,
 - сакрализация ландшафта,
 - его клерикализация.

Ряд работ посвящен сравнению России в аспекте ландшафта с некоторыми иными странами — Украина, Финляндия, США, Китай, Франция.

Именно и только путешествия открыли и прояснили в современном ландшафте России:

- массовость спонтанной ренатурализации ландшафта,
- массивность, рост и специфику зоны Внутренней Периферии;
- природные заповедники как фокусы культурного ландшафта;
- специфику приграничных территорий и их заметный подъем;
- бум «вторых городов»;
- разносторонняя сакрализация
 - бурная мифологизация ландшафта,
 - его клерикализация,
- дачный бум и формирование нового пригородного ландшафта,
- реальное — острое и бурное — самоопределение мест,
 - связанное с краеведческим и музейным бумом;
- поведение в ландшафте массовых групп населения;
- ландшафтофильные и ландшафтофобные группы;
- важные особенности бытования современной российской культуры²⁶.

Закономерности, изложенные ниже (и в иных работах) реализовались на всех обследованных территориях, будучи трансформированы спецификой местного ландшафта. Наиболее информативны были полевые обследования следующих мест: Московский и Петербургский регион, Саров (Арзамас-16), Норильский район, Средний Хопер, агломерации Нижнего Новгорода, Нижнего Тагила, Красноярска; Калининградская область, Псковское пограничье, юг Сахалина, Центральная Камчатка, остров Ольхон. Обследован ряд природных и комплексных заповедников (Аркаим, Керженский, Окский, Соловецкий и др.) и национальных парков (Куршская коса, Угра, Русский Север др.).

Принципиально, что путешествия и концептуальные конструкции эффективно дополняют друг друга будучи, во-первых, относительно независимыми видами работы, во-вторых, достаточно многочисленными, и, в-третьих, будучи дополненными междисциплинарными представлениями. Здесь следует указать в первую очередь уже цитировавшуюся концепцию

²⁵ Аналогично.

²⁶ Каганский В. Л. Постсоветская культура: вид из ландшафта // Обсерватория культуры. Журнал-обозрение. 2006, 3.

административного рынка²⁷, историко-культурологические концепции России²⁸ и междисциплинарные методологические построения²⁹.

Специфика культурного ландшафта России в целом

Введенные представления позволяют компактно представить *общую специфику ландшафта России, характерную как для территории страны в целом, так и для большинства ее частей и территориальных уровней.*

Ландшафт России представляется весьма отклоняющимся от идеала и, по-видимому, в основном, полноценным культурным ландшафтом не является; полноценный ландшафт — достояние лишь отдельных немногих мест. Природная основа и компонент ландшафта прочтываются ясно, но служат основой лишь для сельской местности; культурный ландшафт сельской местности (на макроуровне страны в целом) носит ясный и явный отпечаток природной зональности, но не копирует ее прямо. На уровнях ниже страны более существенна антропогенная зональность. Сеть городских ландшафтов (природно) азональна и оторвана от природной основы.

Ландшафт страны слабо связан вплоть до мозаичности и фрагментированности, даже анклавности. Преобладают связи через центры, а не прямые соседские горизонтальные связи. Рисунок ландшафта — скорее архипелаг или древовидная сеть отдельных очагов, нежели сплошная территориальная ткань. Ландшафт не слишком разнообразен, культурный компонент ландшафта много проще природного и плохо с ним согласован; налицо наблюдаемый конфликт компонентов ландшафта, местами острый. Рисунок ландшафта прост и однообразен, повторяется на разных территориях и на разных территориальных уровнях; в то время как сложность сама по себе — важный ресурс ландшафта, условие использования его потенциала и выражение полноценности (в частности, как среды обитания человека и иных живых существ).

Значимых различных масштабов мало, как и масштабной специфики; пространство тяготеет к мономасштабности. Пространство характерных направлений бедно, резко доминирует направление «центр — периферия», комплексно дифференцирующее практически все культурные компоненты ландшафта и определяющее общий рисунок его освоения. Характерны резкие контрасты и острые «перепады» освоения. Пространство страны в советское время было резко периферизовано в общем, ландшафтном и статусном отношении, несмотря на освоение территории и насыщение ее новыми культурными элементами. За время существования СССР территория Рос-

²⁷ Кордонский С. Г. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000. 238 с. Найшуль В. А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991.

²⁸ Ахизер А. Российское пространство как предмет осмысления // Отечественные записки, № 6, 2002. Яковенко И. Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск.: «Сибирский хронограф», 1999. 221 с.

²⁹ Шрейдер Ю. А. Сложные системы и космологические принципы. // Системные исследования-1975. Ежегодник. М., 1976. С. 149–171, Чебанов С. В. Петербург. Россия. Социум. — Вильнюс: AB VLANI, 2004. 724 с. Жерихин В. В. Основные закономерности филогенетических процессов (на примере неморских сообществ мезозоя и кайнозоя). Авт. дис. ... д. б. н. в форме научного доклада. М., 1997. 80 с.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

сии стала меньше отвечать понятию «культурный ландшафт». Территориально резко преобладают разные типы Периферии. Почти вся территория носит черты Периферии, причем за счет быстрого разрастания Внутренней Периферии общая периферийность ландшафта растёт³⁰. В европейском же ландшафте преобладает Провинция, что можно отнести на счет преимуществ возраста. Однако даже исторически молодое пространство США более провинциально, нежели российское за счет его полиаспектной полицентричности и формирования «снизу», негосударственной местной активностью. Ландшафтов полноценной Провинции в России чрезвычайно мало, эта зона представлена отдельными очагами и в целом «дефицитна»....

Сформулируем **национальную модель культурного ландшафта России**; эта модель полнее и ярче, острее всего реализовывалась в советском пространстве. Нынешний российский культурный ландшафт очень специфичен. Он унаследовал свои главные черты от советского пространства, а оно в свою очередь, утратило многие черты пространства Российской империи — причем черты, уже отживавшие. Пространство страны насквозь пронизано государством, структурировано им и отдельно не существует. Ландшафт на всех уровнях — система отчетливых ячеек, основная жизнь в них сосредоточена в центрах и замирает на окраинах. Эти ячейки плохо связаны между собой — почти все связи идут через центр — и разделены барьерами безлюдья и бездорожья. Ландшафт высокоцентрализован и моноцентричен; налицо резкая поляризация во многих отношениях. Всё в нашем ландшафте смотрит на центр, как стрелка компаса на север. Ландшафту, сконструированному и сжато центрами и границами, недостает средней зоны обыденности — Провинции; роль внешних (государственных) границ чрезмерна и деструктивна; реализуется по преимуществу барьерная функция границ, в том числе и внутренних.

Специфика российского пространства:

- в основном оно не является культурным ландшафтом;
- пространство унифицировано;
- организовано из внешней, экстерриториальной позиции, чуждой конкретным местам;
- главный актор, «пространственный игрок» — государство;
- пространство «нанизано» на единый каркас — административное деление;
- сохраняет и отчасти утрирует структуры советского пространства;
- доминирующее упорядочивающее характерное направление — «центр — периферия»;
- пространство централизовано и моноцентрично;
- пространство крайне поляризовано;
- пространство сжато Центром и Границей, это Периферия;
- Провинция как тип элиминирована и лишь локальна;
- существует единая единственная сеть ячеек пространства и соответствующая им единая единственная универсальная сеть центров.

Эти структуры охватывают все пространственные уровни, включая во многом и фазовые (социальные, культурные, институциональные) пространства. **Специфика национальной**

модели культурного ландшафта — предельная концентрация имперских черт и структур. Империя — это, прежде всего, большое разнородное, дифференцированное пространство, включающее много разных типов культурного ландшафта, много ландшафтных регионов, объединенных в единое целое внешним для этих ландшафтов образом. Именно этот тип пространства позволил быстро включить в состав государства, структурировать и временно удерживать территории разных типов и размеров.

Культурный ландшафт России — наложение активных пространственных форм государства на четкую природную основу. Ландшафт России, par excellence, является ландшафтом не собственно культурным и даже не природно-культурным или природно-хозяйственным — это ландшафт природно-государственный, природно-имперский.

Главные современные процессы в ландшафте России

Основные современные процессы в ландшафте России — сложные, полимасштабные, неоднозначные, противоречиво-парадоксальные; они носят открытый поливариантный характер.

Значительно сходство новых процессов трансформации ландшафта в различных местах — но и начало диверсификации сходных территорий

Главными остаются последствия распада СССР, трансформация и деградация советского пространства. Современная трансформация ландшафта страны — прежде всего проявление, выражение и следствие кризиса советского пространства, распада СССР. Трансформация ландшафта описывается как переход конструкции «советское пространство» в новое состояние; проходя ряд последовательных этапов, это пространство размывается и фрагментируется; все более значимыми становятся новые, уже независимые процессы. Самосогласованная конструкция «советское пространство», организовавшая ландшафт, в ходе острого кризиса пережила обычные для кризиса сложных систем децентрализацию и дезинтеграцию — суверенизацию структурных блоков (не только территориальных) и инверсии компонентов. Первый этап состоял в регионализации — выделении территориальных составных частей и/или повышении их статуса при открытии системы. Однако главные ядра и линейные оси активной модификации ландшафта, как усложнения и насыщения антропогенными (и даже собственно культурными) элементами (административные центры, «вторые города», открытые контактные границы государства), так и культурной деградации, спада освоенности, спонтанной ренатурализации ландшафта — по-прежнему остаются институциональными элементами советского пространства или производны от них. Зоны резкой трансформации природного ландшафта и возникающий вторичный «новый природный ландшафт» институционально детерминированы и локализованы, как и зоны массовой культурной активности.

Пройдя фазы регионализации, а затем инверсии советского пространства³¹, российский ландшафт переживает постреги-

³⁰ Подробнее: Каганский В. Л. Внутренняя периферия: новая зона культурного ландшафта // Изв. РАН, сер. географ. (в печати).

³¹ Каганский В. Л. Регионализация, регионализм, пострегионализация // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М.: ИГ РАН, 2002б. С. 12–18., Каганский В. Л. Россия — СССР сегодня? Сравнительный портрет про-

онализацию и быструю острую фрагментаризацию вплоть до парцелляризации; число самостоятельных и полусамостоятельных земельных участков выросло на порядки. Резко сокращаются размеры регламентирующе-организующих социальную жизнь пространственных структур. Все больше изолированных от окружения отдельных мест; по мере усиления фрагментаризации растут и сегрегированность ландшафта; бросается в глаза мания изоляции и огораживания новых земельных владений. Ландшафт приобретает черты мозаичности. Актуализируются и появляются новые внутренние границы: *становятся контактными внешние границы России, напротив, внутренние границы становятся барьерными.*

Преодолевается и функционально размывается регионально-плитчатая структура советского пространства. Явно имеет место и «уход» государства из пространства, резкая дерегламентация ландшафта и его фактическая приватизация, начало формирования частных пространств и систем частных (негосударственных) пространственных статусов; де-факто все больше территорий являются частными и можно говорить о мозаике государственных и частных пространств разных типов, в том числе поселений и неформальных районов (в некотором смысле ситуация возвращается к досоветской). Ландшафт формируется уже не только государством, но и частными в широком смысле структурами и населением. Существенно новым стало мощное спонтанное взаимодействие разных массовых групп населения и ландшафта, порождающее и новые острые социальные и экологические проблемы. Резко сокращается сфера заботы о ландшафте (напр., упадок лесозащитных полос), растет хищническое использование природных ландшафтов населением; часть территорий просто забрасываются, выходят из зоны социального контроля и приобретают нулевое культурное содержание и отрицательную социальную ценность (источник проблем). Ландшафтного творчества не видно...

Это становление постсоветского пространства в точном смысле слова при сохранении советского пространственного наследия.

Фундаментальный процесс — восстановление логики ландшафтного, географического пространства — означает «реабилитацию» культурного ландшафта. Налицо существенная нормализация ситуации, **культурная реабилитация ландшафта**, — возвращение пространства России в пространство географическое, тогда как СССР и его пространство существовали, прежде всего, экстерриториально, в фазовом пространстве власти, которое и генерировало пространство ландшафта. Заработала логика географического положения — атрибут именно ландшафта — тогда как советское пространство задавалось и детерминировалось в логике статусной детерминации. Не исключено, что появляется шанс становления **полноценных мест**, тогда как в советском пространстве были лишь ячейки для решения внешних задач. *Ландшафт — вне зависимости от словоупотребления — входит в сферу символически значимого.*

Происходит реставрация, регенерация, ревитализация культурного ландшафта, налицо восстановление элементов

досоветского культурного ландшафта. Эти возможности были совершенно не очевидны еще 20 лет назад. Есть признаки некоторого оживления соседских горизонтальных связей.

Одновременно идет *новая нарастающая поляризация* по линии «центр — периферия» и централистическая концентрация населения. *Сокращаются или нарастают контрасты «центр — периферия»? — вопрос открытый!* При рецентрализации, особенно явной в финансовой сфере, идет и децентрализация в сфере массового образования, науки и культуры.

Налицо *новая периферизация всё большей части территории.* Бывшая «советская провинция» все больше приобретает черты периферии, преимущественно внутренней³². Идет резкое сокращение и концентрация освоенных территорий, утрата и забрасывание сельскохозяйственных угодий на уровне страны в целом, ее больших частей и регионов; это относится и к сельской местности в целом. Освоение пошло вспять? Т. Г. Нефедова полагает, что живая сельская местность — достояние только пригородов на северной половине Европейской части России³³. Дальняя периферия пустеет и забрасывается. Формируется и быстро растет новая, **Внутренняя периферия** за счет периферизации бывлой провинции — зона социальной катастрофы и архаизации социальной жизни³⁴; на большей части страны происходит одичание и ренатурализация ландшафта, спонтанно восстанавливается природный ландшафт. Нами с Родоманом отмечен новый формирующийся тип дичающего культурного ландшафта — «русская саванна»³⁵; культурный ландшафт утрачивает культурные элементы.

Значительные территории ближних и дальних пригородов (в радиусе уже первых сотен километров от крупнейших городов) преобразованы (даже колонизованы) дачным и теперь дачно-коттеджным бумом. Налицо массовая реарганизация и рерурализация «горожан»; дезурбанизация, формирование нового комплексного культурного ландшафта и жизненно-экономического уклада. Города, не выйдя из тисков промышленно-городских агломераций, размываются в новых уродливых внутренне-конфликтных пригородах.

Культурно-символический компонент ландшафта переживает резкий подъем:

- культурная реабилитация и отчасти регенерация культурного ландшафта,
- бум культурно-символического самоопределения мест,
- поиск новой идентичности мест, ее реставрация, ревитализация, реконструкция и конструирование,
- краеведческий бум,
- музейный бум,
- ценностно-сакральная поляризация ландшафта (центр-город -заповедники и вообще особые внегородские урочища),
- культурно-мотивированный внутренний туризм, слитый с разнообразными паломничествами,

³² Каганский В. Л. Россия. Провинция. Ландшафт // Отечественные записки. 2006б, № 6. С. 244–257.

³³ Нефедова Т. Г. Сельская Россия на перепутье. М.: Новое издательство, 2003. 403 с.

³⁴ Каганский (в печати), цит. соч.

³⁵ Родоман Б. Б., Каганский В. Л. Русская саванна // География, 2004, № 5 (732). С. 3–11.

странств. // Общественные науки и современность, 2005, № 2, 2005, № 3. С. 70–82, 2005, № 4. С. 100–112.

КАГАНСКИЙ Владимир Леопольдович / Vladimir KAGANSKIY

| Исследование российского культурного ландшафта как целого и некоторые его результаты |

- элементы символической реставрации (генерации) обыденных, культурно, мифологически мотивированных районов³⁶,
- появление «новых старых» культурно-маркированных мест,
- появление и распространение квазирелигиозных ландшафтоориентированных групп (напр. бажовцы на Урале).

Налицо спонтанная сакрализация ландшафта (в том числе и особенно в экологизме) и бум (ландшафтного) язычества,

³⁶ Нужна отдельная работа «Культурно-символическая трансформация советского пространства versus восстановление культурного ландшафта России».

что также объясняется общими причинами кризиса советского пространства («приватизация» государственно-идеологической псевдосакральности); явно наметилась и клерикализация ландшафта.

Эти и другие процессы охватывают если не всю, то основную или большую часть территории РФ, носят непредсказуемый характер и потенциально опасны. Одновременно они богаты и возможностями, и ресурсами. Изучены и поняты эти процессы явно недостаточно.

Сравнительная характеристика ландшафта России

Т а б л и ц а. 1. Культурный ландшафт России: сравнение с иными типами ландшафта.

ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ			
	Культурный ландшафт как таковой	Европейский культурный ландшафт	Культурный ландшафт России XIX — начала XX в.	Национальная модель культурного ландшафта
ведущее пространство	пространство ландшафта	пространство ландшафта	баланс пространства ландшафта и фазового	фазовое пространство государства
связь ландшафтного и фазового пространств	очень сложная	сложная	несложная	простая
дискретность	континуальность	континуальность	скорее дискретность	дискретность
сплошность	сплошность	преимущественно сплошность	скорее сплошность	фрагментарность
число слоев культурного ландшафта	очень много	много	немного	мало или один
регулятив	позиционный принцип	позиционный принцип	частично позиционный принцип	статусная детерминация
зависимость от природной основы	определенная, но не решающая	заметная	высокая	решающая в рамках государства
изотропность	сложная анизотропность	сложная анизотропность	простая анизотропность	простая резкая анизотропность
централизация	умеренная	умеренная	высокая	предельная
центризм	сложный полицентризм	полицентризм	слабый полицентризм	моноцентризм
поляризация	полиполяризованное пространство	частично поляризованное пространство	поляризованное пространство	сильно монополяризованное пространство
иерархии мест	гибкие многозначные	разной степени гибкости	довольно жесткие	жестко однозначные
множественность иерархий мест	много разных иерархий мест	много или немного иерархий	одна или две иерархии	моноиерархизм, одна иерархия
масштабность	поли-масштабность	поли-масштабность	моли-масштабность с малым числом масштабов	моно-масштабность
спектр масштабов	полный	полный или частичный	частичный	отдельные масштабы
главные уровни системы мест	нижние	средние	верхние	самый верхний
сходство территориальных уровней	различие	частичное различие	некоторое различие	преимущественно сходство
отношения территориальных уровней	взаимодополнение	взаимодополнение	частичное дополнение и безразличие	конфликт
ведущее направление в системе мест	горизонтальное	горизонтальное	«диагональное»	вертикальное

ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ			
	Культурный ландшафт как таковой	Европейский культурный ландшафт	Культурный ландшафт России XIX — начала XX в.	Национальная модель культурного ландшафта
выделенные территориальные уровни	заданы внутренне	заданы внутренне	заданы внешне и внутренне	заданы внешне
число существенных позиций	много разных	несколько разных	мало близких	одна
функции мест	полифункциональность	полифункциональность	полифункциональность, функций мало	монофункциональность
характерные направления	много	несколько	немного или мало	одно
ведущее характерное направление	отсутствует	радиальное («центр — периферия») и тангенциальное (прямая связь мест)	радиальное	радиальное
главная серия	Провинция	Провинция и Центр	Центр и Провинция	Центр
преобладающая по площади серия	Провинция	Провинция	Периферия	Периферия
ритм ландшафта	сложное семейство ритмов	сложный ритм	простой ритм местами	такт
государственные компоненты пространства	значимы	существенны	преобладают	исчерпывают пространство
совпадение пространств общества и государства	незначительное	частичное	существенное	полное
административно-территориальное деление	слабое или отсутствует	слабое с федеративной структурой	сильное	универсальное и доминирует
федеративная структура	есть	есть де-факто или де-юре	отдельные слабые элементы	нет
главные районы	неинституциональные	неинституциональные и институц.	институциональные	институциональные
системы районов	много частных несовпадающих систем районов	несколько систем районов	немного систем районов	единственная система районов
основные различия мест	межрайонные	межрайонные	межрайонные	внутрирайонные
основные районирования	снизу	смешанные	сверху	сверху
центры	частные	частные и универсальные	универсальные и частные	универсальные
уровень централизации	некоторый	высокий	очень высокий	предельный
централизация элиты	некоторая	существенная	высокая	сверхцентрализация
закрытые зоны	только заповедники	заповедники и иные малые зоны	значительная часть территории	большая часть территории
разграничения	внутренние самоотграничения	в основном внутренние	внешние разграничения	внешние разграничения
статус границ	компонент ландшафта	компонент ландшафта	комплексный рубеж	средство управления ландшафтом
экотоны	высокозначимы	значимы	малозначимы	незначимы
доминирующие границы	переходные зоны (экотоны)	экотоны	разные типы	линейные границы
внешние границы	незначимы	незначимы	значимы	очень значимы
границы	контактные	контактные	комплексные	барьерные
контакт с внешней средой	сотрудничество	сотрудничество и конфликт	изоляция	агрессия и конфликт

ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ			
	Культурный ландшафт как таковой	Европейский культурный ландшафт	Культурный ландшафт России XIX — начала XX в.	Национальная модель культурного ландшафта
статус места	первичность мест	в основном первичность мест	в основном первичность статусов	первичность статусов
места	позиции целого	позиции целого	в основном детали целого	детали целого
отношения мест	дополнительность	дополнительность	дополнительность и безразличие	безразличие и конфликт
прямые связи мест	стимулируются	поддерживаются	не запрещаются	репрессируются
соседство мест	продуктивное	продуктивное	малопродуктивное	конфликтное
разнообразие ландшафта	ценность	ценность и ресурс	ресурс и помеха	помеха
представительство мест	прямое	прямое	косвенное	отсутствует
местное население	преобладает	преобладает или существенно	существенно	незначительно или отсутствует
главный процесс	усложнение, полипроvincialизация	усложнение, провинциализация	сочетание процессов	освоение, периферизация
главный ресурс места	специфика	специфика, особенно культурная	природные ресурсы и институциональный статус	институциональный статус и природные ресурсы
пространственное взаимодействие районов	через общие части	через общие части и центры	через центры и общие части	через центры
обыденные регионы	на всей территории	на основной части территории	на части территории	отсутствуют
регионализм	на всей территории	во многих местах	местами	слабо выражен
фокальные объекты	разнообразные	разнообразные	сакральные и государственные	государственные
семантически и символически значимо	все пространство	многое	отдельные места	ничто или редкие места
сфера заботы о ландшафте	сплошь все пространство	многое	отдельные места	ничто
музеефикация ландшафта	фокальные места всей территории	многое	немногое	очень немногое
эстетизация ландшафта	всё сплошь	многое	отдельные места	главные центры
сакрализация ландшафта	частично все места	многие места	немногие места	центры и государственные границы
человек в пространстве	творец	творец, участник событий, социальная роль	участник событий, реже творец	государственный статус
персонализация пространства	сплошь все пространство	многое	отдельные места	Немногое
темпорализация пространства	сплошь все пространство	многое	немногое	отдельные места
отношение природных и культурных компонентов ландшафта	взаимообогащение	дополнение	дополнение и конфликт	конфликт
природные компоненты ландшафта	святыня и ресурс	ресурс и святыня	ресурс	помеха или ресурс
историко-культурные компоненты ландшафта	святыня	ресурс и святыня	ресурс и святыня	помеха или ресурс
маргинализация ландшафта	отсутствует	отдельные места	многое	полная
место ландшафта в культуре	значительное и сквозное	значительное, но не первостепенное	некоторое	незначительно или отсутствует
культурный статус ландшафта	отрафлексированная ценность	ценность-в-бытии	феномен в ряду иных	отсутствует
отношение пространства и времени	равноправие	приоритет времени	приоритет времени	приоритет времени

МИТИН Иван Игоревич / Ivan MITIN

| Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности |

ПРИЗНАКИ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА	КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ			
	Культурный ландшафт как таковой	Европейский культурный ландшафт	Культурный ландшафт России XIX — начала XX в.	Национальная модель культурного ландшафта
нормирование маршрутов перемещений	нет	нет или частичное культурное	частичное	предписывание маршрутов
отношение к путешествию	поощрение	поощрение или допущение	допущение	запрет
культурный статус карт	высок	имеет место	незначителен	отсутствует
анахоризмы (ср. анахронизмы) в культуре	отсутствуют	имеют место	многочисленны	всеобъемлющи
культурный статус краеведения	высокий	поддерживается	допускается	репрессирован

